
ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Статьи по гомилетикѣ.

Духовная смута.— Запросы современнаго общества, предъявляемые пастырямъ-учителямъ.— Возможно ли выполнить ихъ въ настоящее время?— Какими положительными чертами должна отличаться современная христіанская проповѣдь. — Проповѣдникъ Евгеній Берсье, какъ примѣръ и образецъ для современныхъ пастырей - учителей. — Рѣчи о „живомъ словѣ“.— Будущее „живого слова“.

I.

Человѣку, слѣдующему за судьбами проповѣди, есть на чемъ остановить свое вниманіе въ настоящемъ году. Съ чувствомъ глубокой радости можно сказать, что забытая и почти брошенная всѣми наука о христіанской проповѣди, начинаетъ все болѣе и болѣе останавливать на себѣ вниманіе различныхъ людей. Въ литературѣ специально и попутно начинаютъ обсуждаться самыя существенныя и жизненныя ея страницы. Въ настоящей разъ я остановлюсь только на тѣхъ статьяхъ, которыя захватываютъ принципіальныя стороны великаго дѣла служенія пастыря своей паствѣ *словомъ*.

Несомнѣнно мы переживаемъ въ извѣстномъ смыслѣ смутные, тревожные дни. Во многихъ пробуждается желаніе все осмыслить и понять, помимо всякихъ внѣшнихъ авторитетовъ и насильственныхъ руководствъ. Желаютъ, чтобы истина прежде всего имѣла неподкупнаго свидѣтеля въ совѣсти, ясно сознавалась и ощущалась, была предметомъ внутренняго убѣжденія, а не предметомъ навязаннаго совнѣ раз-

личнаго историческаго, археологическаго, филологическаго знанія. Отсюда—современныя религиозныя сомнѣнія. Отсюда—нескончаемые споры въ области морали и догматики. Отсюда—быстро растущее наше сектантство. Голодъ духовный, жажда Живого Бога такъ велики въ настоящее время, что возникъ даже отдѣльный специальный журналъ, который ставитъ своей задачей „быть провозвѣстникомъ возврата ищущей интеллигенціи отъ утилитарнаго міровоззрѣнія къ религиозному міровоззрѣнію“. Многіе собираются теперь „идти въ церковь и стоять по отношенію къ ней не спиной, а лицомъ къ лицу“. Въ беллетристической литературѣ также нерѣдко можно встрѣчать тенденціозныя повѣсти на злобу дня: о Церкви, ея служителяхъ, паствѣхъ и т. д. Таковы, наприм., повѣсти „Слуги счастья“ Авиловой, „Тревожная ночь“ Розанова и другія.

И устои общественной традиціонной жизни для нѣкоторыхъ теряютъ свою устойчивость. Происходитъ смута и въ пониманіи различныхъ сторонъ общественной и государственной жизни. Нѣкоторые открыто говорятъ: „Россія больна, и что хуже всего,—больна духомъ“¹⁾. Эти моменты, конечно, неизбежны въ жизни каждаго народа на пути его духовнаго развитія и роста. Пугаться ихъ не слѣдуетъ. Все перебродитъ, и начнется новая жизнь, полная силы, отрады, прелести, бодрящихъ аккордовъ. Закипитъ снова всюду работа, и увѣренность въ своемъ дѣлѣ снова наполнитъ сердца всѣхъ. Но гдѣ же выходъ отсюда, изъ этого хаоса современныхъ различныхъ думъ, стремленій, чаяній, проэктвъ, этой тяги въ различныя стороны?

Авторъ статьи, съ которой я хочу познакомить читателей, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ ²⁾.

II.

Возрожденіе Россіи можетъ совершиться — на религиозной почвѣ. Религиозно-общественное возрожденіе—къ нему, какъ къ единственному и непостыдному исходу должны сойтись всѣ недоумѣнія нашего времени, завершительнаго въ

¹⁾ *Кн. С. Волконскій*. Къ характеристикѣ общественныхъ мнѣній о свободѣ совѣсти. Новый путь. 1903 г. Мартъ. Стр. 131.

²⁾ *В. А. Тернаицевъ*. Новый путь. Янв. Стр. 1—20 слл.

исторіи не только Россіи, но и всего человѣческаго рода. Къ нему насъ приводитъ само водительство Божіе. Только въ Россіи, въ нѣдрахъ православной Церкви, можетъ совершиться это возрожденіе; въ Россіи, но не отъ Россіи, въ Православіи, но не отъ Православія, какъ такового,—а отъ Бога, Который больше и Россіи, и Православія. „Не отъ Востока и не отъ Запада и не отъ пустыни возвышеніе“ (Пс. 74), а отъ Господа.

Но гдѣ же проповѣдники и дѣятели этого возрожденія?

Россія уже давно перестала быть обособленною. Движенія Запада владѣютъ русскими умами съ небольшою силой, чѣмъ у себя на родинѣ; русскіе сердцеѣдцы, искатели вышшаго смысла жизни, волнуютъ и Западъ. И можно считать уже вполнѣ совершившимся фактомъ, что дѣйствительно проповѣдовать въ Россіи, значитъ проповѣдовать на весь міръ. Проповѣдники и дѣятели такого возрожденія должны понимать это и должны быть духовно вооружены соотвѣтственно этому. Имъ придется лицомъ къ лицу встрѣтиться съ враждебными силами уже не домашняго помѣстнорусскаго порядка, а съ силами міровыми, давно и открыто борющимися съ христіанствомъ на аренѣ исторіи.

Учащіе силы Русской Церкви готовы ли для такой борьбы?

Состояніе учащихъ силъ Русской Церкви въ наши дни не неизвѣстны. Вѣруя въ ту долю Христовой истины, съ какою они подвизаются, все-таки нельзя не чувствовать, что они слабы для столь великой задачи: нужной здѣсь широты религіознаго замысла, вѣры, разверзающей небеса и низводящей Духа Святого,—говоря это не въ переносномъ смыслѣ,—въ нихъ нѣтъ. Проповѣдники Русской Церкви наставлены въ вѣрѣ въ большинствѣ случаевъ односторонне, часто ложно воодушевлены, мало знаютъ и еще меньше понимаютъ всю значительность мистической и пророчесвенной стороны христіанства. Но самое главное, они въ христіанствѣ видятъ и понимаютъ одинъ только *загробный* идеаль, оставляя земную сторону жизни, весь кругъ общественныхъ отношеній пустымъ, безъ воплощенія истины. Эта односторонность и мѣшаетъ имъ стать „ловцами чловѣковъ“ нашихъ дней. Единственно, что они хранятъ, какъ истину для земли и о землѣ—это самодержавіе, какъ нѣкій зачатокъ новаго порядка и какъ бы „новой земли“. Робкая

вѣра, что Россія скажетъ какое-то свое „великое слово“, остается у нихъ лишь на степени чаянія сердца, съ которымъ они сами не знаютъ, что дѣлать. Все смутно, все шатко, не облечено авторитетомъ никакихъ опредѣленныхъ, возвышенныхъ ученій...

Эту общую мысль далѣе авторъ раскрываетъ частнѣе въ слѣдующихъ прекрасныхъ контрастахъ.

Представители Церкви (повторяемъ, Церкви исторической) свои священныя упованія ограничиваютъ загробнымъ міромъ. Всѣ же слова пророковъ о торжествѣ истины Божіей *и на землѣ* принимаютъ въ такъ называемомъ „переносномъ смыслѣ“. Интеллигенція, напротивъ, отдалась одному только земному идеалу, и признаетъ лишь его. Она отстаиваетъ вѣру, что на свѣтѣ будетъ хорошо, что человѣчество найдетъ путь къ Евангелію, единенію и будетъ едино и счастливо. Эту вѣру она носитъ въ себѣ, какъ нѣкій золотой сонъ сердца. Среди невыносимыхъ затрудненій и тѣсноты эта почти религиозная вѣра въ грядущее „всеобщее счастье“ спасала ее неоднократно.

Священники Церкви, являясь учителями святости, понимаютъ подъ просвѣщеніемъ только Боговѣдѣніе. Остановливаясь на просвѣщеніи „человѣковъ“, какъ отдѣльныхъ личностей, они преувеличиваютъ непознаваемость послѣднихъ глубинъ истины. Интеллигенція же шире смотритъ на образованіе. Она включаетъ въ свой кодексъ и имена великихъ писателей, писавшихъ только о землѣ и человѣкѣ и даже только о страстяхъ и порокахъ человѣка.

Интеллигенція борется за просвѣщеніе человѣчества, какъ цѣлаго, какъ рода, и на этомъ пути подвиги и успѣхи ея поистинѣ изумительны. Идея человѣчества и человѣчнаго есть душа всѣхъ ея лучшихъ стремленій. Русская Церковь, молитвенно пребываетъ въ единеніи со святыми всѣхъ языковъ и временъ, сверхнаціональна лишь въ мистическомъ настоящемъ и въ отдаленномъ историческомъ прошломъ, въ историческомъ же настоящемъ находится въ полномъ и неисцѣлимомъ разрывѣ съ Западомъ. Интеллигенція, возникшая лишь въ послѣднее столѣтіе, не разъединяетъ человѣчества: съ Западомъ и его движеніями она находится въ живыхъ, многостороннихъ, съ каждымъ поколѣніемъ возрастающихъ отношеніяхъ.

Священство Церкви, останавливаясь на литургическомъ

моментъ христіанства, непобѣдимое въ храненіи тайнъ и сокровищъ вѣры, но слабое въ проповѣдничествѣ, устремляетъ вѣрующихъ за предѣлы времени, въ вѣчность. Интеллигенція же создала свой типъ безрелигіознаго проповѣдника—агитатора, подвизающагося въ пространствѣ, безстрашнаго, напроломъ прошедшаго всю русскую жизнь со своимъ словомъ и дѣломъ.

Въ то время, какъ Церковь ведетъ къ личному спасенію и личному блаженству, потустороннему—въ Богѣ, интеллигенція отдала себя дѣлу общественнаго служенія, посюсторонняго—человѣческаго. Въ своей общественной совѣсти, въ литературѣ, въ типахъ героевъ, въ пониманіи ихъ судьбы, она создала обличеніе всякаго личнаго счастья, построеннаго на несчастіи другихъ людей. Неправдою и тяготою жизни всѣхъ слоевъ общества,—отъ высшихъ до самыхъ низшихъ,—она обременяетъ совѣсть читателя, тѣмъ совершая въ ней несказанныя расширенія. Свою вѣру въ правоту такого дѣла,—вѣру огрсмной нравственной цѣны,—она проводила въ жизни, часто не убоившись величайшихъ страданій, особенно тяжкихъ при безрелигіозной безнадежности.

Ни правительство, ни войско, ни земство, ни наука, ни просвѣщеніе, ни литература,—ничто въ Россіи такъ не народно, какъ Церковь, однако, интеллигенція не видитъ не понимаетъ этого. Не смотря на всѣ желанія и положительныя усилія войти въ народъ и повести его за собою, она все-таки чужда ему. Рознь между ними не житейская бытовая, а духовная. Интеллигенція до тѣхъ поръ не найдетъ доступа къ сердцу народа, пока не увѣруетъ въ его Христа и не пріобщится жизни Церкви.

Дѣятели Церкви настаиваютъ на божественномъ происхожденіи и помазаніи власти и призываютъ народъ къ полному повиновенію ей. Но сами, оставаясь вполне безучастными къ общественному спасенію, они не могутъ дать ни религіозныхъ указаній власти, ни Христовой надежды и радости народу въ его тяжеломъ недугѣ. Его бѣдствія они понимаютъ, какъ посылаемая отъ Бога испытанія, предъ которыми приходится только преклоняться. Интеллигенція съ большими жертвами для себя отстаиваетъ пониманіе власти, какъ отвѣтственности. Правительство же она нравственно понимаетъ и понимаетъ не иначе, какъ очагъ ви-

вовности и вмѣняемости за темноту и злополучіе народа, какъ цѣлаго. Она создала смѣлое, убѣжденное, дорого ей стоящее обличеніе власти, какъ голаго права и притязанія. Этимъ обличеніемъ и упрекомъ въ разныхъ формахъ и подъ всякими личинами проникнута созданная ею литература, и равнодушіе людей Церкви къ этому обличенію ее возмущаетъ и соблазняетъ больше, чѣмъ самое дѣленіе христіанства на враждующія вѣроисповѣданія.

Вопросъ объ истинномъ устройствѣ труда, о его рабскомъ отношеніи къ капиталу, проблема собственности, общественное значеніе ея, съ одной стороны, и совершенная неизбѣжность съ другой,—это для людей интеллигенціи составляетъ предметъ мучительныхъ и безкорыстнѣйшихъ раздумій; это дѣлитъ ихъ на партіи, иногда заставляя порывать связи даже съ родиной. Въ Церкви, послѣ первохристіанскихъ общинъ, эти вопросы, если и разрѣшаются въ опытѣ святыхъ, то не больше, какъ вопросы ихъ личной жизни и праведности. Важнѣйшая и труднѣйшая сторона дѣла: общественное значеніе собственности, ея противорѣчія, понятія уже въ древности и оставленныя новому міру безъ разрѣшенія,—эти задачи до сихъ поръ остаются въ Церкви безъ признанія. Наличному учащему сословію Церкви онѣ чужды. Будучи, гдѣ это удобовозможно, упорными пріобрѣтателями, и нравственно спокойными собственниками, оно не чувствуетъ ни неправды, ни опасности этого. Имѣя въ діаконствѣ даръ, въ мистическомъ содержаніи котораго подается высшая мудрость къ общественному служенію, именно въ области имущественныхъ отношеній, они оставляютъ этотъ даръ Духа Божія безъ настоящаго приложенія.

Такова пропасть между церковію и интеллигенціею.

Церковь должна пойти на встрѣчу этимъ людямъ не изъ одного только чувства сожалѣнія, но и изъ чувства великаго опасенія, какъ бы эта сила не опрокинулась на нее всею своею тяжестью и не доставила бы ей много хлопотъ и бѣдствій. Въ данномъ случаѣ Церковь имѣетъ дѣло не съ пустяками какими-нибудь, не съ группой какихъ-либо пустыхъ мечтателей, а съ великой силой, которая начинаетъ проступать вездѣ и всюду въ организмѣ государственномъ, начиная отъ самыхъ обыденныхъ отношеній и кончая са-

мыми отвлеченными науками. Дыханіе этой силы слышится и чувствуется теперь вездѣ и всюду. Самый даже ненаблюдательный человѣкъ можетъ видѣть ее постоянно. Эта сила—интеллигенція.

Интеллигенція не сбродъ личностей, случайно мечтавшихъ и дѣйствовавшихъ каждый по своему, а нѣчто единое, цѣлое, связанное единствомъ исканій и разума, во взаимной поддержкѣ и отвѣтственности предъ окончательнымъ судомъ исторіи. Это не толпа, легко мѣняющая своихъ кумировъ и готовая идти за всякимъ, кто бы захотѣлъ ее повести. Интеллигенція не есть и партія: она движется идеей новаго строя, новаго общества—одухотвореннаго, гдѣ нѣтъ разлада между идеаломъ и дѣйствительностью.

Такимъ образомъ Русская Церковь поставлена предъ лицомъ великой задачи. Если она сознаетъ и приметъ эту задачу и рѣшеніе ея возведетъ на степень религіознаго долга, она—теперь подавленная и безсильная—тогда явится центромъ неудержимыхъ нравственныхъ притяженій во главѣ всѣхъ идейныхъ силъ страны. Только тогда она окажется вѣрною и по отношенію къ своей собственной внутренней сущности. Итакъ, для Русской Церкви открывается, наконецъ, возможность выхода „на широту земли“: изъ помѣстной, удушающей тѣсноты, въ которой она находится въ настоящее время,—на великій просторъ міроваго служенія.

На сомнѣнія и душевную тугу интеллигенціи давалось уже много различныхъ отвѣтовъ. Но всѣ эти отвѣты были отвѣтами не по существу. Писавшіе шли въ обходъ скорѣе, чѣмъ смотрѣли прямо въ глаза опасности. На вопросы, поставленные прямо, ребромъ, отвѣчали уклончиво и неуловимо, неосвязаемо какъ-то.

Люди, желающіе руководить общественнымъ мнѣніемъ, пусть не берутся теперь за эти старые приемы разрѣшенія недоумѣній и забудутъ свои старые отвѣты. Они никого не удовлетворяютъ теперь. Дѣтская вѣра интеллигенцію тронетъ, но не обратитъ. Христіанство или скорѣе „христіанственность“, безъ Церкви, таинствъ и креста не утолитъ ея духовной жажды. Схоластическій деизмъ, какъ бы прилежно онъ ни былъ обставленъ словесными покровами христіанскаго вѣроученія, не сдвинетъ съ мѣста ея тяготы. „Прихожанамъ—обывателями“—

эти люди не станутъ вькогда. Для успѣха проповѣди подмѣнять христіанство стоицизмомъ или моралью, которая „эстетикою хорошихъ поступковъ“ лишь прикрываетъ религіозную пустоту ихъ,—въ наше поворотное время преступно. Бога жаждаютъ люди Живого. „Я нуждаюсь въ рукахъ, простертыхъ ко мнѣ“... Страшный вопль въ этихъ словахъ Ницше.

Наступаетъ время открыть сокровенную въ христіанствѣ правду о землѣ—ученіе и проповѣдь о христіанскомъ государствѣ. Это и будетъ началомъ религіозно - общественнаго возрожденія Россіи. Здѣсь, обновившись въ нравственномъ существѣ своемъ, русская интеллигенція найдетъ новую жизнь, новыя цѣли, и наконецъ, дѣло, котораго безуспѣшно искала съ самаго своего возникновенія.

III.

Итакъ, насъ просятъ войти въ жизнь и сказать свое слово о каждомъ ея явленіи. Насъ просятъ быть полновластными участниками жизни, а не зрителями только, притомъ откуда-нибудь изъ-за угла. Насъ просятъ положить въ основу каждаго жизненнаго явленія вѣковѣчныя истины Евангелія. Просятъ изъ библиотекъ, гдѣ теперь большею частію хранятся наши истины, перевести ихъ въ жизнь, устроить жизнь по небесной правдѣ, по-Божьи.

Я смотрю на это приглашеніе, какъ на величайшее знаменіе времени. Это — дорогая и рѣдкая минута въ жизни нашихъ пастырей. Каждому пастырю нужно записать ее на скрижаляхъ своего сердца и нужно взяться за дѣло скорѣе, пока не поздно. Вопросъ поставленъ ребромъ, и отъ насъ терпѣливо ждуть отвѣта. Я думаю даже, что минута эта чисто провиденціальная. Это—сильное Божіе предостереженіе насъ предъ грознымъ грядущимъ будущимъ...

Но сможемъ ли мы теперь понести то, что намъ предлагаютъ понести? Сможемъ ли мы вмѣстить въ укладъ своей жизни всѣ лучшія стороны современной цивилизаціи, культуры, прогресса, науки, литературы? Едва ли. Во всякомъ случаѣ это смогутъ сдѣлать сейчасъ лишь очень немногіе и притомъ не во всей той широтѣ, въ какой это нужно было бы сдѣлать, прислушиваясь къ современнымъ запросамъ.

Въ данную минуту я невольно переношусь къ далекому прошлому.

Было время, когда дѣйствительно пастыри дѣятельно участвовали во всѣхъ сторонахъ жизни — общественной, государственной, частной, семейной. Были они совѣтниками государей, великихъ князей, сидѣли въ думѣ, участвовали на земскихъ соборахъ, были воспитателями дѣтей царей и бояръ, охраняли во время отсутствія царя государство, были третейскими судьями, мирили князей, усмиряли бунтовщиковъ, отстаивали государство отъ враговъ, печаловали предъ властями за народъ и бояръ, отлучали великихъ князей отъ св. причастія, закрывали храмы въ наказаніе своихъ ослушниковъ, писали и утверждали вмѣстѣ съ свѣтской властью законы. Было даже время, когда иностранные послы являлись не только къ государю - царю, но и къ государю-патріарху. Въ рукахъ пастырей и монастырей была сосредоточена вся благотворительность, все просвѣщеніе. Они были просвѣтителями и руководителями народа, распространяли свѣтъ Христовъ, вездѣ и всюду устроая всю жизньчеловѣка по началамъ Евангелія. Достаточно въ данномъ случаѣ вспомнить нашъ Домострой, по которому устроилась жизнь каждаго въ то время, чтобы судить о степени вліянія тогдашнихъ пастырей. Вся внутренняя культурная жизнь Россіи была въ Церкви. Пастыри несли съ собою всюду культуру, гражданственность. Падали непроходимые лѣса, заселялись пустынные мѣста, кругомъ зеленѣли богатые нивы. Падало язычество, отгѣснялись отъ предѣловъ русской земли враги русскаго государства. Въ то далекое время не противопоставляли церковное не-церковному. Церковные и не-церковные люди работали вмѣстѣ на одномъ поприщѣ, не противопоставляя себя другъ другу, какъ двѣ совершенно противоположныя силы. Это была какъ бы одна родная семья. Церковная жизнь, полная свободы, отличалась кипучестью, сильнымъ и глубокимъ вліяніемъ на все окружающее. Недаромъ весь бытъ нашего крестьянина до сихъ поръ еще сохраняетъ множество чертъ этого древняго уклада жизни, выработавшагося у него подъ вліяніемъ Церкви. И долго, долго еще онѣ будутъ сохраняться въ нашемъ народѣ, не смотря на всѣ усилія нѣкоторыхъ современныхъ дѣятелей вытравить ихъ изъ народной жизни совершенно.

Словомъ, вся жизнь тогда сосредоточивалась и вращалась около Церкви. Достаточно въ данномъ случаѣ вспом-

нить древній приходъ. Не даромъ въ настоящее время такъ сильно нѣкоторые ратуютъ за восстановленіе древняго прихода. Они считаютъ это единственно вѣрнымъ средствомъ возвратить жизнь въ ея прежнее русло. Но это далекое прошлое, полное такой прелести, теперь прошло, миновало. О немъ лишь приходится вспоминать...

Давно ужъ начала постепенно сокращаться дѣятельность пастырей. Постепенно сокращаясь, она теперь дошла почти до послѣднихъ своихъ предѣловъ. Дѣло дошло до того, что пастыря съ арены общественной жизни и дѣятельности загнали въ церковь. Да и въ церкви—то теперь онъ можетъ быть полновластнымъ только въ алтарѣ, при совершеніи богослуженій и требъ. Впрочемъ, и тамъ не всегда свободенъ онъ...

Его храмъ во многихъ случаяхъ стоитъ среди города какъ-то одиноко. Кругомъ кипитъ жизнь, полная удивительнаго разнообразія, но она идетъ мимо храма и часто вопреки всякимъ завѣтамъ храма. Храмы наши иногда напоминаютъ собою оазисы, которые одиноко разбросаны по пустынѣ и лишь на короткое время даютъ пріютъ различнымъ случайнымъ паломникамъ. Пастырь сталъ теперь почти только зрителемъ общественной жизни, а не полноправнымъ ея членомъ и участникомъ. Онъ сталъ какъ будто бы какимъ-ниб. *неземнымъ* существомъ. Не участвуетъ онъ болѣе ни на какихъ соборахъ. Нѣтъ ему мѣста и въ различныхъ гражданскихъ учрежденіяхъ. Нѣтъ мѣста даже на нашихъ сельскихъ сходахъ... Его уже не приглашаютъ дальше прихожей. Къ его голосу не прислушиваются, не ждутъ отъ него олобренія и согласія. Только изрѣдка и притомъ въ минуту жизни трудную спрашиваютъ его кое о чемъ. Даются отвѣты, но исполнять ихъ никто не считаетъ для себя обязательнымъ. Если приглашается пастырь и къ общественной дѣятельности, то большею частію для помощи въ дѣлѣ руссификаціи края, во время бунтовъ, возстаній, смятеній. Избиваютъ евреевъ, пастырь долженъ выступить здѣсь, въ эту минуту. А чѣмъ было вызвано все это, о томъ его никто не спрашивалъ...

Въ роли общественнаго дѣятеля многіе не хотятъ даже и видѣть современнаго пастыря. Высочайшая Воля призываетъ пастырей къ активному участию въ общественной

жизни, въ качествѣ учителей и руководителей народной школы. Но сколько протестовъ, сколько огульныхъ несправедливыхъ обвиненій, сколько всевозможныхъ препятствій пришлось встрѣтить пастырю въ данномъ случаѣ вездѣ и всюду? И до сихъ поръ происходитъ еще эта борьба изъ-за школы. И это все дѣлается, не смотря на Высочайшую Волю. А что было бы безъ нея?... Такъ мы уже отвыкли видѣть пастыря въ роли активнаго участника въ общественной жизни, и такъ мы мало надѣемся на него, что намъ кажется уже ненормальнымъ видѣть его въ школѣ учителемъ крестьянскихъ дѣтей...

Отчужденный отъ жизни и своей паствы, всего почти долженъ бояться современный пастырь. Предъ одними онъ долженъ заискивать, предъ другими быть пріятнымъ и деликатнымъ. Отсюда ведетъ свое начало коренной недостатокъ нашихъ пастырей. „Пошлая угодливость въ ущербъ достоинству пастырей составляетъ тяжелую болѣзнь вышшаго и низшаго духовенства, пишетъ одинъ батюшка. Оно предъ свѣтскимъ съ орденомъ и чиномъ трясется, какъ осиноый листъ“ ¹⁾. Даже безграмотный взяточникъ урядникъ заставляетъ многихъ почтенныхъ пастырей бояться. Нѣкоторымъ приходится въ его присутствіи даже почтительно стоять. Почти всякій кулакъ міроѣдъ легко можетъ выжить батюшку изъ прихода, если онъ задумаетъ ему что-нибудь говорить противъ. Не говоримъ о другихъ, которые отдають батюшкамъ приказы, когда имъ начинать богослуженіе, кому сначала въ церкви кадить, и что бываетъ, если батюшка не захочетъ исполнять этихъ стороннихъ приказаній...

Для многихъ современный пастырь становится какимъ то архаическимъ пережиткомъ, почти не для чего ненужнымъ ²⁾. Не говорю ужъ о томъ, что для многихъ онъ является прямо ненормальнымъ явленіемъ въ жизни государства, гнѣздилищемъ всякой тьмы, тормазомъ просвѣщенія и всякой культурности. И дѣло дошло до того, что пастыря теперь почти нигдѣ и не видно. На многихъ совершенно приличныхъ собраніяхъ считается ему быть неприличнымъ. На

¹⁾ *Н. Недѣльскій*. Истинное пастырство и живая проповѣдь. Странникъ. Июнь 1903 г. Стр. 907.

²⁾ *А. Преображенскій*. Ср. Прав. Соб. Сент. Стр. 471.

тѣхъ же собраніяхъ, на которыхъ онъ бываетъ изрѣдка, принужденъ держаться въ сторонѣ, чувствовать себя стѣсненно, неловко. Даже на улицѣ его рѣдко можно встрѣтить. Онъ живетъ какъ бы въ какомъ заколдованномъ кругу.

А развѣ вы видите священника въ настоящее время желаннымъ, дорогимъ гостемъ въ свѣтскихъ семьяхъ? И здѣсь онъ бываетъ большею частію только по необходимости. И какая пропасть отдѣляетъ его отъ своихъ духовныхъ дѣтей. У него нѣтъ ничего общаго съ своими духовными дѣтьми. Разговоръ обыкновенно не клеится. Батюшку всегда стараются какъ-нибудь „занять“. Распрашиваютъ о томъ, гдѣ онъ кончилъ курсъ, объ епархіальномъ архіереѣ. Если это не помогаетъ, прибѣгаютъ къ послѣднему средству, заговариваютъ объ отлученіи Толстого отъ Церкви. Видно, что вопросы рождаются съ великими муками и потугами. Эта фальшь чувствуется и понимается сразу той и другой стороной. И вотъ та и другая сторона не знаютъ, какъ скорѣе отдѣлаться другъ отъ друга. Когда причтъ оставляетъ семью, то всѣ обыкновенно вздыхаютъ съ радостью и жизнь начинаетъ быстро укладываться въ прежнее русло. Всѣмъ становится весело. Всѣ находятъ, о чемъ говорить...

Одинъ свѣтскій писатель въ данномъ случаѣ рисуетъ такую картину ¹⁾. „Отсюда вижу батюшку гдѣ-нибудь въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ предводителя дворянства, на примѣръ. Молебень только что отошелъ: съ завернутымъ въ епитрахиль Евангелиемъ псаломщикъ ушелъ, батюшку просятъ позавтракать. Въ ожиданіи завтрака батюшку въ гостинной „занимаютъ“. Ужъ чья это вина, не знаю: самого батюшки, или его начальства, или всего общества, cadaго изъ насъ,— только замѣчательно, что батюшку у насъ всегда „занимаютъ“. Ни мы съ нимъ не умѣемъ, ни онъ съ нами не умѣетъ просто разговаривать: онъ такой, какъ бы сказать, „неучастникъ“ нашей общей жизни, что для него нужны спеціальныя темы, особенный разговоръ. Въ присутствіи батюшки какъ бы останавливается наша жизнь, и только по уходѣ его мы со вздохомъ облегченія возвращаемся къ ней. Кто виноватъ, не знаю, свидѣтельствую лишь только о груст-

¹⁾ *Ан. С. Волконскій. Нов. Путь. Стр. 123—124.*

номъ фактъ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о здоровьи ма-тушки, о томъ, гдѣ псаломщикъ научился такъ хорошо пѣть, о томъ, какъ освящаются просфоры, о томъ, гдѣ лучше поставить новую икону, привезенную съ Аѳона по подпискѣ купечества, хозяинъ вдругъ спрашиваетъ: „ну, а что вы, батюшка, скажете о рѣчи Орловскаго предводителя къ миссіонерамъ?—А что ему сказать?—мнется батюшка. „Рѣзко какъ будто“. Или: „вѣдь это скорѣе всего вопросъ полицейскій“. Или: „что же намъ сказать, — это вопросъ высокій, можно сказать, философскій“. Или просто вздохнетъ батюшка и, покачавъ головой, скажетъ: „да, что—прискорбно, прискорбно“... Среди неловкаго ожиданія болѣе пространнаго пастырскаго отвѣта, раздается голосъ хозяйки: „Батюшка, закусить пожалуйста“. Объ инцидентѣ больше ни слова. Только по уходѣ батюшки земскій врачъ вдругъ говоритъ хозяину: „Однако коварный вопросъ вы задали батюшкѣ“... Картина такой неловкости батюшки въ обществѣ, его отчужденности отъ общества, неумѣнья и незнанья, что говорить и дѣлать въ обществѣ, рисуется часто на страницахъ духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ ¹⁾).

Одинъ Архипастырѣ въ окружномъ своемъ посланіи недавно писалъ, что у современныхъ пастырей порываются внутреннія тѣсныя связи даже и съ народомъ, съ которымъ до настоящаго времени они жили вмѣстѣ, дѣля и радость и горе пополамъ. И въ избѣ крестьянина иной пастырѣ теперь ужъ чувствуетъ себя неловко. Пасомые встрѣчаютъ его съ недоумѣніемъ, не зная, за чѣмъ онъ къ нимъ пришелъ...

Есть и болѣе печальные факты въ дѣлѣ отношенія пастыря къ обществу. Есть нынѣ и такіе люди, которые сумѣли стать выше общественнаго мнѣнія и старыхъ преданій. Для нихъ священникъ сталъ уже совершенно лишнимъ и ненужнымъ человѣкомъ. Онъ не имѣетъ къ нимъ доступа. А сколько такихъ, которые принимаютъ священника въ домъ только съ гребями, притомъ часто высылая несчастные гроши черезъ прислугу и притомъ еще не русскую, а иностранную.

И жизнь общества весьма чужда Церкви. Жизнь многихъ

¹⁾ Ср. наприм. Отдыхъ Христіанина. „Маленькая церковь“ *Герома Митхила*.

въ настоящее время проходит совершенно внѣ всякаго вліянія Церкви, такъ что они числятся только по имени христіанами. Нѣкоторые изъ нихъ даже заявляютъ о томъ, чтобы ихъ не считали болѣе принадлежащими къ Церкви, просятъ отлучить ихъ отъ Церкви, какъ отлучили Толстого. „Вся наша жизнь идетъ внѣ религіи, въ жизни у насъ нѣтъ никакой религіи“,—пишетъ Бартеевъ ¹⁾. Христіанство для многихъ—плащъ, который они надѣваютъ на себя изрѣдка и притомъ на короткое время, — открыто сознаются нѣкоторые. Одинъ авторитетный Архипастырь, вышедшій самъ изъ свѣтскаго общества, пишетъ. „Много ли въ нашу общественную и внутреннюю жизнь вошло тѣхъ истинъ Православія, которыя были раскрыты? Лучше спросимъ: можно ли найти слѣды этихъ истинъ въ понятіяхъ общества?... Позволяло ли общество пастырю раскрывать духъ Православія своимъ дѣтямъ? Много ли видятъ священника воспитывающіеся? А если видятъ, то не родители ли держатъ священника въ рамкахъ требоисправителя, не пуская его далѣе моленной и столовой?... Общество почтительно выпроводило, выкурило духъ Церкви, духъ Православія изъ своего быта, загнало его въ алтарь и на паперть, гдѣ молятся простолюдины“ ²⁾...

И дѣйствительно, если мы станемъ измѣрять жизнь общества идеалами Церкви, правилами соборовъ, духомъ Евангелія, то увидимъ, что между обществомъ и Церковью иногда лежитъ такая пропасть, которую ничѣмъ нельзя уже, кажется, теперь заполнить. При первомъ удобномъ случаѣ этой части общества у нашей Церкви не будетъ... Да и жизнь людей принадлежащихъ, повидимому, Церкви развивается весьма часто въ ненадлежащемъ направленіи. Замѣтно и у нихъ сильное стремленіе уклониться отъ нормъ церковной жизни и жить по своимъ свободнымъ нормамъ, выработаннымъ людьми широкой свободы. Для примѣра возьмемъ хотя только нѣсколько подобныхъ сторонъ современной жизни.

Вотъ, наприм., взглядъ нѣкоторыхъ на современное христіанство.

„Византійскій идеаль христіанства,—пишетъ одинъ,—гнилой, отравленный, мертвый идеаль,—это духовное жонглерство

¹⁾ *Бартеевъ*. Нов. Путь. Сент. Стр. 258.

²⁾ *Епископъ Антоній*. Полное собраніе сочиненій. Т. 3. стр. 134 сл.

безъ духа и жизни, безъ любовнаго сочувствія къ плачу міра, къ стонамъ людей“. „Христіанство — поклоненіе гробамъ не только въ вопросѣ о бракѣ и разводѣ. Оно мертвенно все до конца. Историческое русское христіанство совсѣмъ не знаетъ и самаго понятія жизни“. „Въ историческомъ монашескомъ (?) христіанствѣ — жизнь Христова умерла. Христіанство—безнервно и безстрастно, а это и значить, что оно мертво“. Почти тоже самое пишетъ о христіанствѣ и другой современный писатель. „Возьмите живопись церковную, возьмите музыку церковную: страстное начало, живое, движущееся, до такой степени устраниено изъ нихъ, что нарисованы, собственно, мощи съ открытыми глазами; смотрять точно лики усопшихъ изъ драгоценныхъ ракъ. Ни одна фигура на образѣ церковномъ—не идетъ. Всѣ стоятъ. Почему? Развѣ святые не ходили? Да, но это было въ нихъ недостаткомъ. Они должны были лежать, и собственно на иконахъ они представлены лежащими (?), и только какъ бы приподнятыми отъ спинки, поставленными для поклоненія. Всѣ святые имѣли молодость. Но они всѣ (?) представлены старыми, предсмертно. Предсмертно—это свято, живуче это грѣшно. Жизнь есть грѣхъ, смерть есть святость“. „Намъ кажется, что движеніе прекратилось совсѣмъ, что уже всѣ силы христіанства перестали въ насъ дѣйствовать, и что оно, вообще, не удалось“... Эти мысли о христіанствѣ принадлежать корифеямъ современной литературы ¹⁾. И вотъ теперь живымъ людямъ, горячо любящимъ Христа Спасителя, приходится читать публичныя лекціи на темы: „Живали Церковь?“, „Дѣятельно или мертво христіанство“. Мы какъ будто бы живемъ въ первые вѣка христіанства, когда каждую христіанскую истину приходилось втолковывать язычникамъ. Какъ будто христіанство только еще начинаетъ распространяться на землѣ и мы беремъ лишь первые уроки изъ него.

Чуждъ для многихъ сталъ теперь и Божій храмъ. Правило соборное подвергаетъ наказанію всякаго, кто три воскресенья подъ рядъ не былъ въ храмѣ. А у насъ многіе три ли раза не бывають въ храмѣ? Всѣ ли и всегда ли у насъ освящаютъ свой праздничный досугъ молитвою въ

---

¹⁾ См. соч. В. В. Розанова и Д. С. Мережковского.

храмѣ. И это еще далеко не все. О храмѣ Божіемъ теперь пишутъ даже большее. „Храмъ Божій сталъ послѣднимъ остаточнымъ мѣстомъ, куда заходятъ только кому нечего дѣлать, храмъ сталъ чужимъ дѣломъ и чужимъ мѣстомъ... Храмы пусты. Почему? Почему я не иду въ храмъ? Потому что храмъ чужое мѣсто и чужое дѣло — дѣло клириковъ и какой-то тамъ администраціи. Я чужой для храма, и онъ для меня. Отдайте храмъ міру, и вы получите церковный народъ. Гостю въ храмѣ и положеніе гостя, и психологія гостя „взялъ шляпу и вонъ“. Такимъ образомъ мірянинъ въ настоящее время для храма чужой. Тамъ ему нечего дѣлать, нечему учиться, не о чемъ молиться. Онъ не нуждается болѣе въ храмѣ: у него теперь свои боги и свои алтари.

Возьмемъ далѣе нашу школу. Мѣсто христіанства въ обществѣ системѣ общаго образованія теперь приходится отстаивать и защищать. „Едва ли не во всѣхъ странахъ Западной Европы замѣчается стремленіе и сильное стремленіе—отдѣлить школу отъ Церкви, освободить ее отъ вліянія религіознаго“. „И среди нашей интеллигенціи очень часто слышатся сочувственные голоса по отношенію къ стремленіямъ нашихъ западныхъ сосѣдей“. „Не будетъ преувеличеніемъ, если замѣтимъ, что пожалуй цѣлая половина нашего цивилизованнаго общества была бы довольна и рада, если бы Законъ Божій совершенно былъ вычеркнутъ изъ предметовъ школьнаго обученія и если бы въ нашихъ школахъ никогда не видно было священника“. Вѣдь извѣстно, что новые реформаторы школы *забыли* помѣстить Законъ Божій среди различныхъ предметовъ, которые нашли необходимыми для образованія юношества. Нужно было Высочайшее *указаніе*, чтобы было обращено вниманіе и на нравственное воспитаніе юношества. „Взгляды эти проникаютъ и въ служебно - учебный міръ, и здѣсь многіе очень часто терпятъ существованіе Закона Божія въ ряду предметовъ преподаванія, какъ необходимость, налагаемую закономъ, и немногіе серьезно и отъ искренняго убѣжденія расположены содѣйствовать усиленію религіознаго вліянія на среду учащагося юношества“. „Заботы нашихъ школъ и представителей педагогическаго міра вообще сосредоточены на обученіи, на доставленіи знаній, на образованіи ума, и эта сторона—умственно - теоретическая—засло-

няетъ собою всѣ другія стороны“¹⁾. Такимъ образомъ школу хотять лишить „единого на потребу“. Пастырь — законоучитель „въ сложномъ составѣ учащаго сословія“ чувствуетъ себя одинокимъ, безъ всякой поддержки со стороны своихъ товарищей—сослуживцевъ. И даже больше того, часто его сослуживцы сознательно и безсознательно мѣшаютъ ему вести свое дѣло. „Если смотрѣть не на официальные лѣтописи нашихъ школъ, а на внутренній ходъ ихъ жизни, не расписываемой въ печати, то дисгармонія во вліяніяхъ, дѣйствующихъ въ школѣ и парализованіе вліянія ревнителя религіи со стороны несогласныхъ съ нимъ вліяній другихъ лицъ школы окажется вліяніемъ болѣе частнымъ, чѣмъ можно предполагать, смотря на дѣло издалека“²⁾. Не говоримъ о внѣшней приниженности законоучителя среди корпораціи средней школы.

Говорить ли о томъ, какъ мало усилить христіанское воспитаніе въ школѣ новая грядущая реформа школы, трактующая о необходимости увеличенія уроковъ по Закону Божію, объ отведеніи квартиръ для законоучителей при гимназіяхъ и т. д? Развѣ все это измѣнить сколько-нибудь существо дѣла?...

Въ современной семейной жизни у насъ много ненормальнаго нехристіанскаго. Падаеть строгая чистая жизнь. Многие открыто разрываютъ семейныя узы и выставляютъ на позоръ свѣта разрушенное ими счастье семейнаго очага. Сущностью брачной жизни, его основой, самымъ жизненнымъ нервомъ, начинаютъ считать *страсть*. „Жребій человѣческій и жребій скотскій“ уравниваются между собою, жизнь людей становится точною копіей жизни животныхъ, незнающихъ ни женъ, ни мужей! Вотъ брачная философія... Хотять полной свободы чувства и отношеній. „Любители ложной свободы какъ бы боятся постоянства, боятся закона и хотѣли бы мѣнять семейныя обстоятельства, какъ перчатки; для ихъ легко возбуждаемаго и быстро угасающаго чувства кажется убійственной привязанность человѣка къ одному семейному очагу“³⁾.

¹⁾ В. О. Пльвицкій. Сборникъ статей по вопросамъ христіанской вѣры и жизни. II. 1901 г. Стр. 221—222.

²⁾ Тамъ же. Стр. 399.

³⁾ Тамъ же. стр. 175.

Поведеніе собакъ, кошекъ, лягушекъ считается рѣшающимъ въ вопросахъ нравственнаго порядка. Не даромъ такъ многіе стараются теперь „оздоровить“ семью. Существуетъ много различныхъ плановъ и среди нихъ всего меньше тѣхъ, которые проповѣдуетъ христіанство.

Посты открыто у насъ не соблюдаются людьми, которые считаютъ себя настоящими сынами Церкви. Былъ любопытный случай на одной противосектантской бесѣдѣ. Одинъ миссіонеръ среди молоканъ велъ бесѣду о постѣ. Долго длилась ученая рѣчь миссіонера. Слѣдовали выдержка за выдержкой изъ Св. Писанія, изъ твореній св. отцовъ. Приводились всевозможныя соображенія здраваго разума. Долго съ большимъ вниманіемъ слушали молokane миссіонера. Вдругъ среди тишины прерываетъ миссіонера совершенно простой немудрачій мужичекъ. Всѣ обратили на него вниманіе. „Слушай-ка, заговорилъ мужичекъ, ты учить-то пришелъ не туда, куда слѣдуетъ. Что ты насъ учишь постами? Ты поди вонъ въ городъ и поучи лучше своихъ-то. Они вѣдь не блюдутъ вашихъ постовъ-то“. Это простое слово было такъ сильно и правдиво, что миссіонеръ на полсловѣ кончилъ свою бесѣду и принужденъ былъ скорѣе со стыдомъ ѣхать во-свои.

Гдѣ у насъ воскресный покой, соблюдаемый такъ строго даже въ странахъ, которыя мы ставимъ въ религіозномъ отношеніи значительно ниже себя? Во время Богослуженія у насъ идетъ почти всюду торговля. Даже крестьяне въ воскресные дни во многихъ мѣстахъ не бываютъ въ храмѣ, проводя время на базарахъ, въ различныхъ харчевняхъ. Не смотря на всевозможныя ходатайства рабочаго люда, и служащихъ людей, до сихъ поръ вопросъ о воскресномъ покоѣ у насъ остается открытымъ вопросомъ. А много ли у насъ такихъ семей, которые воскресные вечера посвящаютъ чтенію слова Божія въ своемъ домашнемъ тѣсномъ кружкѣ? Во многихъ ли домахъ есть у насъ слово-то Божіе? Многіе ли прочитали въ своей жизни хотя бы только одинъ Новый Завѣтъ? Не говорю о другихъ книгахъ, которыхъ такъ много въ сокровищницѣ церковной.

Люди, считающіе себя истинными сынами Церкви, не смотря на отлученіе Толстого отъ Церкви, пребываютъ въ полномъ и постоянномъ, самомъ живомъ, внутреннемъ общеніи съ

нимъ. Издатели, печатая во множествѣ экземпляровъ различные назидательные листки, изданія о преи. Серафимѣ Саровскомъ, одновременно печатаютъ всевозможныя брошюры, книги и рекламы о Толстомъ. Гдѣ же правда? И чему, строго говоря, такіе люди вѣрятъ? И что есть для нихъ истина? А это все самыя настоящіе православныя, московскіе православныя. Истыя христіане устраиваютъ торжественный 75-ній юбилей Толстого, хотя онъ и отлученъ отъ Церкви. Кипу газетъ въ описаніемъ великихъ заслугъ Толстого въ насмѣшку, конечно, посылаютъ о. Іоанну Кронштадтскому. Полюбуйся-ка, моль... Что же у насъ это за согласованность слова и дѣла?..

Нашъ бытъ еще полонъ остатковъ языческой старины. Въ нашихъ понятіяхъ, нравахъ, обычаяхъ, представленіи личнаго счастья многіе весьма и весьма также далеки отъ Церкви. Ихъ жизненный укладъ менѣе всего церковный, христіанскій.

Съ ученіемъ Церкви многіе изъ свѣтскихъ почти совершенно незнакомы. „Если у насъ знаютъ что въ Православіи, то скорѣе обряды: знаютъ, что митрополиты носятъ бѣлые клобуки, что въ Преображеніе освящаютъ яблоки, что по средамъ и пятницамъ полагается поститься. Но духа-то Православія, духа Церкви, ношенія въ душѣ своей истинъ откровенія о небесномъ домостроительствѣ, вотъ чего лишены мы“¹⁾.

Цвѣтъ митры считаютъ принадлежностью извѣстнаго сана, чина. Не могутъ отличить священническихъ крестовъ отъ всякихъ другихъ. Духовнымъ лицамъ пишутъ по такимъ адресамъ: „его высокоблагородію преосвященному архимандриту господину такому-то“... Если изъ Евангелія многіе не знаютъ десятка текстовъ, то о службахъ нашихъ уже лучше ничего не говорить. Не понимая смысла того или другого богослуженія, его страшно критикуютъ и перестаютъ даже ходить въ церковь. Нѣкоторые не бывають въ церкви потому, что тамъ кадятъ ладономъ, а это напоминаетъ имъ покойниковъ...

Жизни духовенства не знаютъ. Многіе даже нашихъ школъ совершенно не знаютъ. Нѣкоторые не имѣютъ никакого представленія не только о нашихъ семинаріяхъ, но даже и объ Академіяхъ. Распрашивая о школахъ, задаютъ такіе во-

¹⁾ *Епископъ Антоній*. Соч. цит. Стр. 135.

просы: „употребляютъ ли теперь въ семинаріи розги?“ Хороши представленія о нашей школѣ... Спрашиваютъ еще: „всѣхъ ли семинаристовъ и академиковъ постригаютъ въ монахи?“ О другихъ легендахъ, распространяемыхъ свѣтскими людьми о нашихъ школахъ, нѣтъ нужды и говорить.

Наша богословская наука стала предметомъ издѣвательства для многихъ. Это—только „схоластика“, „скорлупа“ и „даже псевдоученая дребень“... Объ академистахъ пишутъ: „есть люди съ страннымъ порокомъ ума: они органически неспособны воспринять что-либо новое. Въ ихъ головѣ давно-давно сложились группы идей, и они все подгоняютъ къ этимъ группамъ. Оттого даже гениальная новая мысль, пропущенная черезъ ихъ сознаніе, сейчасъ же теряетъ свою глубину и свою свѣжесть“. „Спеціальная ученость ихъ, возможно и велика, но до нея нѣтъ никому дѣла“. Развѣ это не злая иронія? А что иное означаютъ эти слова: „семинарскій умъ“, „писатель бурсачекъ побойчѣе“?... Нѣкоторые изъ нихъ даже убѣждены, что академическая наука скоро перестанетъ существовать въ томъ видѣ, въ какомъ она сейчасъ существуетъ. „Приходитъ конецъ академической схоластики, и на мѣсто ея хочетъ родиться въ области вѣры нѣчто лучшее. Дай Богъ: ибо почва суха и жадна къ влагѣ. Нынѣ ни одна капля подлинной религіозной мысли не упадетъ даромъ... Овца во рву, блеетъ: а ей кидаютъ нѣкое „метафизическое вервие“, въ родѣ Кантовской „Ding an Sich“, овца эта, съ овечьимъ умишкомъ (хорошо сказано...) должна познать „Ding an Sich“ и только въ такомъ случаѣ будетъ вытащена на свѣтъ Божій“ ¹⁾).

Возвращаясь отъ невѣрія къ вѣрѣ, они приносятъ съ собою въ Церковь и новое пониманіе вѣры, которымъ хотятъ просвѣтить всѣхъ людей. Они хотятъ „искать истину въ не совсѣмъ промытомъ пескѣ“ Евангелія. Видите ли. Церковь въ теченіе своей многовѣковой исторіи, не смотря на множество гениальнѣйшихъ безсмертныхъ своихъ представителей, не успѣла еще промыть „песокъ“ Евангелія... „Возвращающіеся“ предлагаютъ Церкви и „новое прозрѣніе прежнихъ таинствъ и догматовъ“. До этого же времени та-

¹⁾ *Нов. Путь*, Сент. Стрр. 191. 253. 258.

инства и догматы люди не понимали... Предлагають „синтезъ плоти и духа“. Вотъ этотъ синтезъ.

„Джіованни открылъ книгу посланій Апостола Павла и передѣлалъ въ умѣ своемъ слова Писанія такъ: „не можете не пить изъ чаши Господней и чаши бѣсовской“¹⁾... Христа не поняли. Люди не поняли, что страстная любовь къ землѣ въ язычествѣ—это цѣлая половина христіанства. „Христіанство не пристало къ великому празднику Новаго Діониса. А Христосъ Діонисъ зоветъ къ опьяненію и на вечери Сіонской, на этомъ пирѣ Плоти и Крови и на Голгоѣѣ, гдѣ выразилось съ страшной силой то же начало Діониса—начало оргіи смѣлаго, страшнаго прикосновенія къ двумъ чашамъ“.

Не хочется говорить, какъ они искажаютъ христіанское ученіе о Голгоѣѣ. Любопытны воззрѣнія нѣкоторыхъ изъ нихъ на бракъ. А ихъ рѣчи о теургіи и антихриствѣ? Это послѣднее слово науки и искусства. Едва ли кто-либо когда-либо и гдѣ-либо встрѣчалъ подобное богословствованіе...

IV.

Говоря объ отчужденіи и отъединеніи нашихъ пастырей отъ современнаго общества, мы были бы весьма несправедливы, если бы стали обвинять одно только свѣтское общество въ нашихъ неуспѣхахъ среди него.

Конечно, во многомъ виноваты и сами пастыри. Достоевскій сказалъ: „церковь съ Петра въ параличѣ“. Какъ это глубоко справедливо. Мы теперь дѣйствительно, какъ параличные. Находясь подъ опекой, мы давно ужъ отвыкли отъ самостоятельной мысли, открытаго чувства, живой кипучей жизни, забыли простоту и откровенность, отстали отъ жизни. Мы стали рабами различныхъ нескончаемыхъ канцелярій, указовъ, давленій, стѣсненій. Мы привыкли уже къ тому, что за насъ все дѣлаютъ тамъ гдѣ-то вдали отъ насъ. Намъ остается только росписываться въ полученіи всевозможныхъ программъ, хотя бы онѣ не только не согласовались съ жизнью, но и совершенно опровергались бы ею. Протестовать, конечно, не полагается. Отсюда—страшная робость мысли, почти полное отсутствіе личной инициативы. Отсюда—всевозможныя почти все бумажныя учрежденія: братства, съѣзды,

¹⁾ Д. Мережковскій. Воскресіе боги.

реформы, проповѣди, ревизіи, засвидѣтельствованія, что все обстоит благополучно. Пиши, бумага все стерпитъ. Не даромъ нѣкоторые весьма остроумно говорятъ, что современные пастыри „пасутъ бумаги, а не живыя христіанскія богоподобныя души“. Парализъ этотъ теперь такъ застарѣлъ, что нужны многіе годы, чтобы оздоровить русскихъ пастырей и вернуть ихъ къ широкой, свободной церковно-общественной дѣятельности, какою они отличались когда-то въ далекое прошлое время ¹⁾.

Несомнѣнно, никакая канцелярія, какъ бы высоко она не помѣщалась, не пробудитъ церковной жизни тамъ, гдѣ нѣтъ горячихъ, одушевленныхъ, живыхъ, энергичныхъ работниковъ на мѣстѣ. Нельзя управлять изъ канцеляріи міромъ. Первохристіанство и св. древняя Русь всего менѣе имѣли канцелярій, и однако какимъ ключемъ всюду тогда была жизнь. Указы тогда создавались на мѣстѣ. Высшая власть ихъ только санкціонировала и регламентировала. Указами облекались тогда собственно уже сложившіяся формы жизни такъ что не указы рождали жизнь, а сама жизнь рождала указы. Вотъ почему они и были дороги каждому члену христіанской общины того времени и понятны. Они были ихъ плотью и кровью. Они были не только выношены ими въ своей груди, но и часто выстраданы. Возьмите, наприм., древне-русскія братства и ихъ живую, широкую дѣятельность на пользу Церкви и родины. Возьмите, далѣе выборнаго архипастыря. Теперь многіе умираютъ, совершенно не зная его. А тамъ онъ былъ извѣстенъ имъ еще до избранія. Когда онъ являлся къ своей паствѣ, паства была внутренне сроднена съ нимъ. Въ его лицѣ она видѣла какъ бы себя. Его голосъ и велѣнія были какъ бы ея голосомъ и велѣніями.

Нынѣ много говорятъ и пишутъ объ освобожденіи Церкви отъ государственной опеки. „Свободная, обновленная, избавленная отъ государственной опеки, церковная жизнь, говорятъ, вольетъ огромный притокъ энергіи въ самую государственную жизнь и народная здоровая душа вздохнетъ полной грудью“ ²⁾. Несомнѣнно тогда шире и устойчивѣе будетъ дѣятельность пастырей. Теперь же пастырю приходится по необхо-

¹⁾ Подробнѣе и основательнѣе см. объ этомъ Нов. Путь. Февр. 65 сл.

²⁾ *Презбвтерос*. Нов. Путь. Сент. Стр. 262.

димости вступать въ различные компромиссы. Развѣ не было такихъ случаевъ, когда пастырь, прекращавшій въ приходѣ почти совершенно пьянство въ народѣ, вынуждаемъ былъ прекращать свои рѣчи о пьянствѣ? Вѣдь своими рѣчами онъ приносилъ людямъ убытокъ. До сихъ поръ наши пастыри проповѣдовали съ церковныхъ кафедръ, что въ праздники грѣшно работать. А теперь должны проповѣдывать совершенно другое. И будутъ проповѣдовать, что работать въ праздники не только не грѣшно, а даже похвально. Одинъ Архипастырь сказалъ слово въ защиту избиваемыхъ Евреевъ. Но это слово нашли неумѣстнымъ. Возможность созванія вселенскаго собора ради охраненія государственной жизни признается трудно осуществимою. „Вѣчно живая и вѣчными законами управляемая церковь не можетъ и не должна руководиться интересами междугосударственными, которые иногда могутъ быть интересами сословія или политической партіи, или даже просто взглядами отдѣльнаго министра, а всѣ эти интересы совсѣмъ не вѣчны... И если церковная іерархія будетъ жизнь Церкви подчинять отношеніямъ политики, то лишь сама превратится въ политическую клерикальную партію,—несомнѣнно во вредъ Церкви“ ¹⁾. Такъ теперь по необходимости пастырю приходится терпѣть то, чего нельзя извинять съ христіанской точки зрѣнія. Приходится, видя не видѣть, слыша не слышать. Получается нехорошее положеніе. Фальшь этого положенія многіе видятъ и ею широко пользуются въ своихъ интересахъ. Пользуются этимъ положеніемъ вещей и наши сектанты, и наши старообрядцы, и наши передовые интеллигенты. Недовольны имъ и преданные сыны Церкви. Съ укоризной и сожалѣніемъ смотрятъ они на своихъ пастырей въ подобныхъ случаяхъ...

Говорятъ, и справедливо, что къ Церкви людей можетъ привлечь хорошій примѣръ, религіозное одушевленіе. Нужны истинные *примѣрные* пастыри, которые безъ всякаго крика, безъ всякихъ миссіонерскихъ потугъ, всею своею церковною жизнію миссіонерствовали бы. Стоитъ только хорошенько, почаще и „поистовѣ“ молиться... какъ всѣ эти потоки, отдѣлившіеся отъ русла церковной жизни, сольются и начнутъ жить общою великою жизнью въ свободѣ обновленнаго духа. И штун-

¹⁾ Тамъ же. Стр. 264.

дисты, и другіе сектанты, и раскольники свободно придуть и преклонятся предъ *святою* жизнью; и распри въ православной Церкви прекратятся. Побольше только искренности, побольше собственного подвига,—какъ это было въ Саровѣ. Обратились же тамъ раскольники въ православіе безъ всякихъ преній, безъ малѣйшаго содѣйствія „уголовнаго уложенія“, совершенно свободно, подъ вліяніемъ однихъ только церковныхъ торжествъ. Какой подъемъ народнаго духа замѣчался тамъ. Народъ, нравственно пришибленный, незнающій, или забывшій о дняхъ своего одушевленія, пережилъ снова эти минуты своего золотого прошлаго ¹⁾. Побольше бы намъ оо. Іоанновъ Кронштадтскихъ... Какъ мы были бы сильны тогда.

Не могутъ дѣятельно участвовать въ жизни теперь наши пастыри и потому, что еще ни кѣмъ не дано однообразнаго, твердаго, рѣшительнаго отвѣта на многіе вопросы и явленія общественной жизни. У насъ до сихъ поръ спорять, наприм., о театрѣ. Одни высказываются рѣшительно за театръ, а другіе противъ. Одни изъ пастырей, скрѣпя сердце, освящаютъ театръ. Другіе нѣтъ. Третьи избираютъ средній путь: освящаютъ и въ то же время не освящаютъ. Освящаютъ будто бы только фойэ театра, а сцену и партеръ оставляютъ безъ освященія... Такъ мудро разрѣшаютъ они этотъ конфликтъ. А между тѣмъ общественная жизнь не ждетъ, идетъ своимъ чередомъ. И вотъ театры преспокойно переполнены больше даже, чѣмъ храмы, отборной православной публикой. Изъ театра она пойдетъ въ храмъ и ей никто ничего не скажетъ, худо ли, хорошо ли она поступаетъ. Теперь даже для народа уже устраиваютъ театры. Мы, молча и скрѣпя сердце, смотримъ на это. Нѣтъ, нѣтъ, кто-нибудь „огрызнется“ гдѣ-нибудь, и этимъ все кончается. Что же такое наконецъ театръ—добро или зло?

Не рѣшенъ вопросъ о томъ, какъ относиться къ свѣтской литературѣ. Нѣкоторые боятся, какъ огня геенскаго, хотя нѣсколько строкъ привести въ своемъ сочиненіи изъ извѣстнаго автора. А въ проповѣди привести что-либо изъ извѣстнаго писателя считается прямо невозможнымъ. Достаточно въ данномъ случаѣ вспомнить свящ. о. Григорія

¹⁾ *Προσβήτερος*. Стр. 262 сл.

Петрова. Какъ трепали и треплютъ еще до сихъ поръ его имя за эти экскурси въ область свѣтской литературы. Дѣло дошло до того, что стали обвинять его даже въ неправославіи. Побранивають за то же самое и о. Михаила, извѣстнаго духовнаго публициста. Мы не хотимъ въ своихъ сочиненіяхъ воспользоваться тѣмъ положительнымъ матеріаломъ, какой въ громадномъ количествѣ разсѣянъ въ произведеніяхъ свѣтскихъ писателей. И вотъ насъ не читаютъ. А на произведеніяхъ тѣхъ, о которыхъ мы молчимъ, воспитывается все общество, ими оно живетъ, дышетъ и болѣетъ. Да и сами то мы нерѣдко почитываемъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ свои ученые труды.

Несомнѣнно свѣтская наука много сдѣлала завоеваній во всѣхъ областяхъ знанія. Теперь многое изъ того, что прежде считали за истину, уже устарѣло и должно быть совершенно забыто. Наша жизнь во многомъ должна теперь измѣниться, сообразно этимъ открытіямъ. Люди, постигшіе истину, какого бы характера она ни была — церковнаго, историческаго, общественнаго, житейскаго, — отъ нея никогда не откажутся болѣе. Внесли ли мы въ свою жизнь эти открытія науки? Конечно, нѣтъ. Какъ же въ такомъ случаѣ мы хотимъ сблизиться съ тѣми людьми, которые уже внесли ихъ въ свой бытъ и отъ нихъ не хотятъ отказаться? А вопросъ этотъ рѣшать необходимо.

„Нельзя пользоваться и благами культуры, крадучись, урывкомъ, прячась отъ собственной совѣсти. Мы хотимъ откровенно пользоваться роскошью міра, роскошью искусства, роскошью науки. Культурное общество хочетъ жить освященной жизнью. Культурное общество приходитъ къ Церкви, какъ къ источнику святости, не съ тѣмъ чтобы отречься отъ плодовъ культуры, а съ тѣмъ, чтобы освятить ихъ... Мнѣ хочется помолиться за Церковь, чтобы Богъ даровалъ ей духа единенія, чтобы она любовно приняла руку, которую ей протягиваетъ культура. И говоря такъ, я надѣюсь, что выражаю мысли и чувства многихъ“¹⁾. Благословимъ ли мы современную культуру? Внесемъ ли въ нашу церковную жизнь лучшія стороны современной культуры и интеллигентности? Перестроимъ ли нашъ бытъ, наши школы по этимъ началамъ?

¹⁾ *Минскій*. Новый Путь. Февр. Стр. III.

Говорятъ: въ отлученіи Толстого „Россія благочестивая отлучила Россію мыслящую“... Правда ли это? Если это правда, то вѣдь надъ всею культурой и интеллигентностью нами ставится большой крестъ.

И много другого нерѣшеннаго есть у насъ. Возьмите, напримѣръ, вопросы о церковномъ управленіи, церковномъ судѣ, бракоразводныхъ дѣлахъ, свободѣ совѣсти, монашествѣ, отношеніи Церкви къ государству,—сколько здѣсь разнообразія во взглядахъ, какая нетерпимость. Всякое новое слово, хотя бы оно было такъ же справедливо и свято, какъ слово самого Христа Спасителя, считаютъ измѣной Православію, показываютъ на такого пальцами, помавая, что пора бы ужъ такого-то и смирить... Зачѣмъ это смотреть власти?...

Разрѣшенъ ли у насъ ясно, вполне точно и опредѣленно вопросъ объ отношеніи къ инославнымъ исповѣданіямъ? Одни молятся за католиковъ и протестантовъ, другіе нѣтъ. Одни доказываютъ, что мы должны за нихъ молиться, другіе утверждаютъ, что не должны.

Спасутся ли инославные христіане? Здѣсь еще болѣе разногласій и разногласій болѣе существенныхъ.

О войнѣ пишутъ въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ. О дуэли, клятвѣ также.

Можно указать и многія другія причины, благодаря которымъ долго еще пастырь нашъ не сможетъ высказываться съ церковной кафедры въ томъ духѣ, въ какомъ желаютъ отъ него слышать слово многіе.

Много мѣшаетъ успѣху церковнаго слова несомнѣнно и цензура. „Никому не секретъ, что ни одинъ (?) епископъ не позволитъ даже окончившему Академію взойти на церковную кафедру и говорить „живое слово“, а предварительно требуетъ написать, представить цензору, потомъ ему для очистки всего того, что составляетъ жизненность проповѣди и интересъ слушателямъ, а все то, что пріятно слуху, предоставляется вынести на кафедру и прочитать непременно по избранному. Все это извѣстно духовенству, которое неприятностей боится и потому предпочитаетъ или чужое списывать, или компилировать, или, если есть какая-нибудь возможность, улизнуть отъ проповѣди, какъ неприятной вещи... Не мало зла дѣлу проповѣди приноситъ установив-

шійся у начальства взглядъ на священника, какъ на чело-
вѣка, котораго всю жизнь надо водить на помочахъ и дер-
жать подъ строгимъ надзоромъ. Обидно становится за санъ,
за образованіе, за благодать, когда ему не довѣряютъ до
убѣжденія въ томъ, что онъ можетъ ересь сказать съ цер-
ковной кафедрѣ. Въ данномъ случаѣ нужно что-нибудь одно
сдѣлать: или кандидата во священство испробовать во всѣхъ
отношеніяхъ, или экзаменоватъ его черезъ 5—10 лѣтъ, но
коль скоро таинство священства совершено, то считать та-
кового „право правящимъ слово истины“. Трудно и вообра-
зить себѣ священника, который бы съ церковной кафедрѣ
или публично сказалъ ересь или какую-нибудь грубость“¹⁾.

И вотъ благодаря этому у насъ получается проповѣдь,
отрѣшенная отъ дѣйствительной жизни, чуждая современ-
ныхъ запросовъ людей, незнающая ни ихъ скорбей, ни ра-
достей, ни паденій, ни возстаній, не говорящая ничего
ничьему сердцу. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это проповѣдь?
Вѣдь это пустое разглагольствованіе, притомъ внѣ времени
и пространства. Развѣ Христосъ Спаситель такъ проповѣ-
довалъ? Развѣ св. Апостолы такъ вѣщали правду Божію
живымъ людямъ? А великіе отцы церкви развѣ вращались
только въ области отвлеченныхъ христіанскихъ истинъ? Не
они ли въ своихъ проповѣдяхъ говорили о недугахъ даже
царей и царицъ, а не только современнаго имъ общества?
И наши русскіе пастыри прежнихъ временъ развѣ не ка-
сались недуговъ современнаго имъ общества? Развѣ не го-
ворили о недочетахъ жизни всѣхъ людей, какое бы обще-
ственное положеніе кто изъ нихъ не занималъ? Кто истинно
говорилъ о Богѣ и правдѣ Божіей на землѣ, тотъ никогда
не на одну минуту не терялъ изъ виду земли и людей. По-
читайте бесѣды Господа, посланія Апостоловъ, творенія
св. отцовъ и предъ вами пройдутъ длинной вереницей, какъ
живые, люди того времени со всѣми ихъ свѣтлыми и тем-
ными сторонами. Я глубоко убѣжденъ, что значительная доля
неуспѣха нашей современной проповѣди зависитъ отъ отчуж-
денности ея отъ запросовъ дѣйствительной жизни. По моему
мнѣнію, проповѣдь, отрѣшенная отъ дѣйствительной жизни,

1) С. Недѣльскій. Истинное пастырство и живая проповѣдь. Странникъ.
Іюнь. 1903 г. Стр. 914—915.

въ большинствѣ случаевъ есть лишь пустой звукъ, чистый фарисеизмъ, отъ котораго понятно и бѣгутъ всѣ изъ храма.

Что правды въ нашихъ проповѣдяхъ мало, кто этого также не знаетъ? Вотъ отзывъ о нашихъ проповѣдяхъ одного свѣтскаго глубокопросвѣщеннаго человѣка. „Довольно, довольно счастливыхъ оборотовъ, слащавой риторики, избитыхъ схоластическихъ фразъ, побольше правды, настоящей подлинной правды, отъ которой бы не укрылось лицемѣріе, охраняющее страшную безнравственность, ложь, прячущуюся за громкими фразами, нравственное усыпленіе, прикрывающееся пожертвованіемъ колоколовъ и свѣчей, внѣшнее благолѣпіе при внутренней мерзости“¹⁾... Вотъ рѣчь о томъ же одного духовнаго лица. „Приспособляя идеальное церковное дѣло для пользы самимъ себѣ, духовенство пользуется не самою истиною—оно къ ней въ подражаніи къ католическому индифферентно, а всѣмъ тѣмъ, что черезъ нее, какъ орудіе, легко достигается. Около этого дѣла теплыя мѣста, высота, чрезвычайная честь, раболѣпство, и ради этихъ то теплыхъ мѣстъ и другихъ пошлыхъ вещей люди соединяются какъ бы по убѣжденію, какъ будто ради истины, а не своихъ цѣлей, но это фарисейство. Поэтому будетъ ли живая проповѣдь или не будетъ, а если пастыри Церкви будутъ брать истину неумытыми руками, будутъ имѣть дефекты въ нравственной сферѣ своей жизни, къ соблазну пасомыхъ, будутъ пользоваться истиною или христіанствомъ и своимъ положеніемъ въ немъ ради своихъ, не всегда чистыхъ цѣлей, если пасомые будутъ видѣть, что нѣкіе взяли христіанство себѣ на услуги, пользуются имъ, какъ палкою для защиты себя и для устрашенія другихъ, то невѣріе будетъ развиваться и развиваться, конечно, между близорукими, недалекими, неспособными отдѣлать сущность вѣры,—истину отъ окружающихъ ея охранителей... Известно то, что во всѣ времена раскрытіе и торжество истины и правды зависѣло отъ жизни проповѣдниковъ въ согласіи съ проповѣдуемой ими истиной. Что значить проповѣдь, если въ глазахъ слушателей слабъ авторитетъ проповѣдника? Намъ известна одна очень вѣрующая христіанка, которая долго ищетъ священника,

¹⁾ Проф. М. Таргеевъ. Странникъ 1902 г. Стр. 545. Ср. Странникъ. 1903 г. Юнь Стр. 911.

который бы ее исповѣдалъ, молебень отслужилъ... „Не хочется, говорить, даромъ деньги бросать. Какъ онъ можетъ молиться, когда у него наружность, борода, усы и походка на первомъ планѣ. Отвратительная кокетка въ ризахъ... да и только“. Приспособляемость истины во всѣ времена была причиною невѣрія. Такая дѣятельность равносильна гоненію на христіанство. Приспособленіемъ истины католичество оттолкнуло отъ себя половину пасомыхъ—протестантовъ. Это урокъ и намъ“¹⁾... Почтенный авторъ обѣщается фактически доказать свой взглядъ на тѣсную связь современнаго невѣрія на Западѣ и отчасти у насъ съ неправильной постановкой проповѣди. И это въ значительной мѣрѣ справедливо.

Въ самомъ дѣлѣ, почему у насъ любили и любятъ слушать простецовъ, старцевъ-учителей, что живутъ и теперь еще въ хорошихъ монастыряхъ? Потому, что они говорятъ одну правду, не обращая вниманія на спрашивающихъ. Кто бы ни былъ спрашивающій, для нихъ это все равно. И идутъ то къ нимъ издалека иногда затѣмъ, чтобы услышать отъ нихъ эту правду, принять ее, какъ отъ самого Бога. Слушаютъ и потому еще, что тамъ говорятъ только о томъ, чѣмъ больна душа пришедшаго, отъ чего онъ не находитъ на землѣ нигдѣ для себя покоя. Говорятъ о всемъ, вплоть до различныхъ убійствъ. Въ этихъ бесѣдахъ ужъ ничего не найдешь, чтобы не имѣло ничего общаго ни съ небомъ, ни съ землей. Здѣсь и само-то небо имѣетъ почти мѣсто постольку, поскольку оно нужно въ томъ или другомъ случаѣ для страдальца-человѣка...

Въ проповѣдяхъ нашихъ иногда не только нѣтъ правды, а нѣтъ и еще большаго... Одинъ интеллигентъ въ открытомъ письмѣ совѣтуетъ „русскимъ миссіонерамъ, искренно преданнымъ своей идеѣ, заняться проповѣдью чистаго христіанства среди русскаго духовенства, которое не вѣритъ въ то, что проповѣдуетъ“²⁾... А сколько такихъ, которые говорятъ безъ всякаго убѣжденія,—лишь бы только что-нибудь „хлобыснуть“ для публики, предполагая, что она ничего не пойметъ. А если пойметъ, то имъ какое до всего этого дѣло?...

Итакъ, мнѣ думается, что приглашеніе насъ стать въ са-

¹⁾ С. Недѣльскій. Соч. цит. Стр. 912—913.

²⁾ Миссіонерское Обозрѣніе. Февраль 1902 г. Стр. 415.

момъ жизненномъ водоворотѣ еще долго будетъ оставаться только на бумагѣ. Будемъ всѣми силами стремиться къ этому свѣтлому будущему и вѣрить, что оно скоро для насъ настанетъ. Чего намъ дѣлать? Церковь—живой организмъ. А въ организмѣ не валяются руки отдѣльно отъ туловища. Тамъ каждый членъ связанъ съ другимъ неразрывно. Какъ сыны одной родины, одного отечества мы должны вмѣстѣ съ другими работать на благо и благоденствіе ея. Бояться этой минуты никому не слѣдуетъ. Мы будемъ работать не какъ западные клерикалы, различные іезуитскіе ордена, а ради Бога, во имя Бога, оставляя въ сторонѣ всякіе партійные своекорыстные виды и цѣли. Будемъ работать, какъ работали наши отдаленнѣйшіе предшественники древнерусскіе пастыри. Истина, благо, милосердіе—вотъ нашъ лозунгъ, а лучше сказать: Христосъ и Его вѣчно живое и святое слово — Евангеліе. Кому мы будемъ въ такомъ случаѣ мѣшать? Развѣ только тому, для кого нѣтъ Бога, нѣтъ и Христа Спасителя.

Прогрессивный характеръ современности вполне естественное и желательное явленіе и нисколько оно не чуждо Евангелію. „Въ ученіи Иисуса Христа не разъ указывается на законъ постепеннаго развитія человѣчества, дѣйствующій въ исторіи, и ему онъ постоянно подчиняетъ возрастаніе царства Божія на землѣ, воплощающагося въ жизни человѣческихъ обществъ“¹⁾. Христіанство не знаетъ духовнаго застоя и тѣлесной косности христіанство—не опреснокъ. Оно проповѣдуетъ вѣчный прогрессъ. Отъ человѣка требуетъ безконечнаго уподобленія Богу. Такимъ образомъ христіанскій идеаль шире всякихъ идеаловъ, проповѣдуемыхъ свѣтскою литературой и свѣтскими дѣятелями.

Итакъ, теперь пока мы будемъ дѣлать „отчасти“ то, что мы будемъ въ состояніи дѣлать. Да свершится же возможно скорѣе этотъ синтезъ еще пока разъединенныхъ духовныхъ и свѣтскихъ силъ и сословіи. Отъ этого соединенія всѣ многое приобретутъ: гдѣ любовь тамъ и Богъ.

Архимандритъ Евдокимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ В. О. Пятницкій. Соч. цит. Стр. 271.